

ИСПОВЕДЬ ЗВЕЗДЫ

РОМА ЖУКОВ

16+

Роман Жуков
Исповедь Звезды

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Жуков Р. В.

Исповедь Звезды / Р. В. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Автобиография известного певца Ромы Жукова о том, как становились звездами группы Мираж, "Ласковый Май", Юрий Шатунов, Татьяна Овсиенко, Наталья Ветлицкая, Ирина Салтыкова и многие др. Кто есть кто в шоу-бизнесе? Как становятся известными? Как рождаются хиты? Что происходит за кулисами? Какую роль в жизни звезд играет сцена? Ответы на эти и многие другие вопросы даны в книге. **РОМАН ТРАХТЕНБЕРГ: ОТКРОВЕННАЯ КНИГА О ТОМ, КАК ЗАЖИГАЮТ ЗВЕЗДЫ. КАЙ МЕТОВ: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЗВЕЗДНЫХ СУДЕБ, ШОКИРУЮЩИХ ФАКТОВ И ТОНКОГО ЮМОРА НЕ ОСТАВЯТ РАВНОДУШНЫМ НИКОГО.**

1.

Возможно, все началось тогда, когда моя мама, царствие ей небесное, прокричала мне, в очередной раз забежавшему на 5 секунд домой и уже куда-то стремительно мчавшемуся по лестнице к выходу из подъезда, что мне звонил какой-то Сережа и просил передать, что мне предлагают работу и просил перезвонить какому-то Валерию Соколову.

Жили мы тогда в небольшой 3-х комнатной квартирке у самой станции в подмосковном Реутове, куда переехали из Орла, после того как маме сделал предложение ее давний поклонник и она вышла за него замуж. Я благополучно учился в Московском авиационном самолетостроительном техникуме, успешно совмещая получение образования с коммерческой деятельностью простого советского фарцовщика, что к слову было совсем небезопасно с точки зрения закона. Сам процесс учебы не доставлял мне ровным счетом ни малейшего удовольствия и являлся лишь элементарным проявлением уважения к маме. Я бы даже сказал, что это был негласный договор между мамой и мной: с моей стороны я должен был учиться, с ее стороны полный карт-бланш на мою свободу в не учебное время.

В середине 80-х в Москве было несколько торговых точек, где собирались фарцовщики. В основном это были крупные комиссионные магазины, где наряду с основным ассортиментом можно было приобрести особо дефицитный товар у шпионовидного типа людей, которые толпились либо внутри, либо у входа в магазин. Конспирация у них была доведена до совершенства. При появлении сотрудника милиции эти только что бойко торгующие персоны в одно мгновение превращались в добропорядочных граждан мирно и увлеченно изучающих тот старый хлам, которым, как правило, был забит комиссионный магазин времен перестройки.

Переехав из Орла в Москву, я сразу же определил приоритеты своего существования. Мне хотелось всего и по возможности сразу, мне хотелось быть везде, в центре самых разнообразных и увлекательных событий, которыми в полной мере изобиловала наша благословенная столица. Меня можно было встретить на трибуне огромного "Олимпийского" на каком-нибудь попсовом концерте и в уютном МХАТЕ, жадно поглощающего очередную популярную постановку, или даже в концертном зале им. Чайковского, куда я случайно попал, опрометчиво перепутав двери с театром Сатиры. Вообще мне кажется, что Москва того времени буквально кишела и сходила с ума от всякого рода культурных мероприятий. На моей памяти не было ни одного концерта или спектакля, который не проходил бы на аншлаге и, как правило, всегда и везде перед началом любого представления тебя непременно облепляли страждущие в надежде урвать лишний билетик. После провинциального Орла Москва представляла передо мной в феерии бесконечных верениц из концертов, спектаклей и бог его знает еще каких интересных мероприятий, так манящих меня к своим призрачным горизонтам.

Моими любимыми местами для торговли были магазины на Садово-Кудринской улице, что около планетария, магазин около Белорусского вокзала, называемый между фарцовщиками «белкой» и небольшая комиссионка в Благовещенском переулке. Все они находились относительно недалеко друг от друга, что помогало мне оперативно курсировать между ними, в случае если я начну мозолить глаза моему самому главному на тот момент врагу- участковому милиционеру 10 отделения по фамилии Минков. Петр Минков мог часами мне читать нотации о вреде спекулятивной заразы в развитом социалистическом обществе, обильно сдабривая свои нравоучения словами тунеядец, бездельник, лоботряс и что-то там еще, но при этом он был безобидным простодушным добряком. Хотя однажды я совсем не на шутку перепугался, попав в очередной раз к нему в кабинет. Я тогда пытался реализовать партию женских часов. Эти часики представляли собой разноцветные пластиковые браслеты, которые подобно наруч-

никам состояли из двух дужек соединяемых симпатичной блестящей застежкой, на одной из дужек с внешней стороны красовался маленький электронный циферблат. Это красиво висевшая на кисте руки безделушка, сделанная где-то в Гонконге, очень хорошо раскупалась московскими модницами и называлась в простонародье крабами, так как в расстегнутом виде напоминала то ли рога, то ли клешни.

Петр неожиданно выпрыгнул откуда-то из-за моей спины как раз в тот момент, когда я демонстрировал очередным покупателям всю палитру цветового разнообразия нескольких часов-крабов. Быть застуканным с четырьмя часами в руках у входа в магазин было серьезным основанием если не для ареста, то уж точно для профилактической беседы в кабинете участкового. Весь ужас происходящего заключался в том, что в моем рюкзаке было куда большее количество этих крабов, отчего рюкзак напоминал увесистый вещь-мешок. По дороге в отделение милиции я судорожно прокручивал разные варианты развития ситуации и, почти смирившись с неизбежным обнаружением Петром содержимого рюкзака, безуспешно пытался придумать хоть что-то в свое оправдание. А именно, каким образом у меня оказалась такая куча крабов, и главное какие люди меня снабдили часами в количестве 150(!) штук. К слову сказать, то доверие, которое мне оказывали мои благодетели, давая товар на реализацию, никак не могло быть омрачено никакими форс-мажорами. Даже в самом страшном сне я не мог себе этого представить. И вот сейчас это доверие было под большим вопросом. Это был кошмар.

Пройдя весь путь от магазина до отделения на ватных от страха ногах бок обок с участковым, я изо всех сил пытался держать себя в руках, излучая подобие безмятежности и с пониманием кивая головой, как бы соглашаясь с очередным нравоучением, вливаемым мне Петром Минковым. Кабинет, в который мы пришли и который мне был хорошо знаком по прошлым визитам, представлял собой небольшую продолговатую комнату, в которой с трудом помещалось два стола стоящих буквой "Т". Петр, пройдя в дальний конец комнаты, сел на свое место, как положено, под портрет Дзержинского и пригласил меня сесть напротив него. Я, не выпуская из вспотевших от стресса рук рюкзак, с вымученной из последних сил уверенностью прошел и опустился на стул. То, что случилось дальше, без преувеличения спасло меня от тех неприятностей, которыми могла обернуться вся моя последующая жизнь. Наверно, мои ангелы в этот момент сжалились надо мной и ниспослали мне сил на ту наглость, с которой я водрузил свой рюкзак перед собой на стол, прямо под нос Петра Минкова. Видимо ему и в голову не могло прийти, что я вот так запросто возьму и поставлю перед ним то, что ни в коем случае не должно быть им обнаружено. Так и простоял мой рюкзачок всю нашу беседу. Так и не обнаружил его содержимого Петр, а может он обо всем догадался и просто пожалел меня. Ведь если бы ситуация сложилась кардинально наоборот, неизвестно что тогда со мной стало. Кстати сказать, мне, в отличие от моих подельников по ремеслу, на милицию везло гораздо больше. Взять хотя бы Игоря, которого мир впоследствии узнает как Игоря Селиверстова. Ну, ни разу он не попадал к Петру. Ментовским медом я был, что ли намазан?

В общем, после этого случая, когда я все рассказал тем самым людям, которых никак не мог подвести, у меня началась совсем уж доверительная с их стороны жизнь, это были доллары! Доллары – это не часы, это уже статья уголовного кодекса. И опять меня отвели силы небесные... Меня ждала несколько иная судьба!

2.

Мой отец, Жуков Владимир Васильевич, был ученым-физиком, которого после окончания аспирантуры направили в Махачкалу возглавлять один из факультетов Дагестанского педагогического института. Казалось, что жить мы там будем долго и счастливо и поэтому для

капитального обоснования нашей семье выделили огромную трехкомнатную квартиру в прекрасном новом высотном доме на 11 этаже с великолепным видом на гору Таркитау. Это было время, сулящее от будущего только самые приятные ожидания. Отец продвигался по карьерной лестнице и готовился к защите докторской диссертации. Мама, Лариса Викторовна, была инженером по образованию и работала у него же в деканате преподавателем.

Родители были счастливы, и мы, дети, мои младшие братья двойняшки Сергей и Виктор и старшая сестра Наталья, купались в лучах этого семейного счастья. У отца на факультете учился студент, которого звали Самули, то ли я излучал немислимое обаяние, то ли симпатия ко мне этого добродушного кавказца была через край, но как только наступали у Самули каникулы, он всегда меня брал с собой в горный аул, где жила его семья. Ах, этот горный воздух, от которого кружилась голова! Я мог парить в облаках, не отрываясь от земли, поскольку облака проплывали прямо перед окнами его дома. Я никогда не забуду ощущение жуткой высоты, когда меня, шестилетнего ребенка, посадили в седло огромной кобылы, хлестнули ее кнутом и вслед крикнули: "Езжай джигит!" Как я тогда не покалечился, одному богу известно. Из того времени, что я ходил в детский сад, особо в память врезалось неудачное падение с лестницы. Это была сине-красно-желтая железная конструкция, которыми и по сей день уставляют детские площадки. Я сорвался и пересчитал зубами несколько ступенек, небольшой шрам с внутренней стороны губы до сих пор напоминает об этом падении. Своей первой творческой удачей я бы назвал участие в детсадовской самодеятельности в роли лидер танцора в костюме капитана. Я был впереди, а за мной несколько ребят в костюмах матросов. Мы танцевали танец «Яблочко». Остался даже фотоснимок из какой-то махачкалинской газеты, где запечатлен этот исторический момент. Как-то на новогоднем утреннике мне досталась роль медведя, который по сюжету рыча, вылезал из всего домика, кого-то там пугал, и, сделав свое черное дело, опять забирался в домик. По сценарию в ходе спектакля все звери должны были помириться и танцевать веселый хоровод, но мне почему-то не хотелось выходить из моего домика, видимо мое отсутствие в хороводе никого не смутило. Так я и просидел там весь спектакль, и уже когда меня хватились, то никак не могли понять, куда я подевался. Меня искали везде, где только можно. Не найдя в помещениях детсада,

вышли на улицу, но когда и там не нашли, то конечно жутко перепугались. Но все закончилось хорошо. Я благополучно выполз из своего укрытия, сполна насладившись одиночеством. Там же, в детском саду, со мной произошла невиданная доселе штука. Меня как будто накрыла какая-то невидимая волна. Детское сознание никак не могло определить, что происходит. Было ощущение, что я вижу себя со стороны, как будто я сам только что видел свой собственный затылок, убежавший от меня куда-то полсекунды назад. Это был я, это был точно я, я только что тут был, а теперь меня второго тут нет. Потом позже я узнал, что это было дежавю.

В первый класс общеобразовательной и музыкальной школы я пошел одновременно, как положено 1 сентября 1974 года. Вообще, учебу в музыкальной школе я воспринял как бессмысленную нагрузку на детский организм и никак не мог взять в толк, почему мои папа и мама, которые меня так любят, подвергают свое чадо таким необоснованным страданиям? Забегая вперед, скажу, что эта неразделенная любовь к музыке проистекала у меня вплоть до окончания мной музыкальной школы, то есть все семь последующих лет. Зато обычная школа приготовила для меня воистину потрясающий подарок... Я влюбился! Плодом моих воцделений стала моя первая учительница, уже не молодая женщина за пятьдесят, которую звали Нина Петровна. Она всегда выглядела очень элегантно и подтянуто, в строгом деловом костюме, плотно облегающем еще довольно стройную фигуру. Она всегда носила каблуки, а волосы собирала в элегантный пучок на затылке. Она обладала каким-то необъяснимым женским обаянием,

было такое ощущение, что воздух вокруг нее всегда благоухает самыми немыслимыми ароматами. Как-то раз я уже под вечер решил навестить мою ненаглядную и направился напрямик к ней домой, благо жила она по соседству. Я поднялся на 5 этаж, позвонил в дверь и то, что предстало перед моим взором, буквально ошеломило меня. Как будто в каком-то неведомом мне доселе свечении ко мне подплыла почти что по воздуху необыкновенной красоты фея. Ее длинные распущенные волосы локонами ниспадали на ослепительно белое одеяние, от такого великолепия я потерял дар речи, почему-то сильно испугался и уже через секунду пулей вылетел оттуда. Прибежав домой, я прямо с порога стал кричать: "Мама, мама, Нина Петровна такая красивая!" Позже, когда мама встретила Нину Петровну, та поделилась своей версией случившегося в тот вечер: «Да, я уже собиралась ложиться спать, распустила волосы и надела комбинашку, как вдруг появился Ромочка. Я подумала, может что-то случилось, но не успела и слова сказать, как он уже испарился». Нина Петровна ничего не могла со мной поделать. Я, как истинный галантный кавалер, первым делом заходя в класс, подходил прямо к учительнице и на глазах изумленных детей целовал ее в щеку. Естественно, такое поведение ученика ее немало смущало, но бороться со мной было бессмысленно, я был уверен, что такое проявление нежности как нельзя лучше убеждает ее в самом искреннем моем к ней отношении. Мама любила вспоминать эту историю моей первой любви и еще о том, как Нина Петровна, почти оправдываясь, делилась с ней: "Лариса Викторовна, я, конечно, очень тронута поцелуями Ромочки, но поймите, ведь другие дети на это смотрят. Они рассказывают об этом своим родителям, и они ведь все бог весть знает, что об этом думают... Пожалуйста, скажите Ромочке, чтоб он делал это, ну, как бы ни при всех".

Это случилось осенью 1974 года. Мама, забрав двойняшек и сестру, уехала погостить к родственникам в Орел. Мы остались с папой вдвоем. То, что отец ведет себя как-то не так, я заметил сразу. Он ходил по квартире, немного сторбившись, почти со мной не разговаривал и все время держал руку в области живота. Он обратился к соседям с просьбой о том, чтобы те вызвали ему врача. Врач приехал и вынес единственно верный, по его мнению, приговор, он посоветовал прикладывать к больному животу грелку, чтобы как-то успокоить усиливающуюся с каждым часом острую боль. Как выяснилось позже, причиной острой боли был обычный аппендицит, который, как известно и мало что сведущему в медицине человеку, под воздействием интенсивного согревания грелкой превращается в куда более опасный недуг, известный как перитонит. Какой именно диагноз померещился тому, с позволения сказать доктору, теперь уже наверно врать можно узнать, но та грелка сыграла свою роковую роль и перевернула с ног на голову всю нашу, уже было устоявшуюся и размеренную, прикаспийскую жизнь. Скорая увезла отца в больницу, где ему тут же была сделана операция. Была уже ночь и среди больничного персонала не оказалось опытных квалифицированных докторов. Операцию делал обычный дежурный практикант. Тревогу забили после того, как на следующий после операции день отец стал стремительно терять силы. Еще была надежда на спасение, но после того как у него была взята кровь на анализ, то результат прозвучал как приговор. У отца началось заражение крови. Тут, конечно же, поднялся такой шум, который долетел до самой Москвы. За те два года, которые мы прожили в Махачкале, у отца появилось много влиятельных друзей, среди которых был даже поэт Расул Гамзатов. Из столицы прилетел какой-то профессор, который, конечно же, уже ничего не смог исправить.

После смерти отца нас уже ничего не держало в Дагестане, и наша семья, точнее все то, что от нее осталось, вскоре перебралась в Орел.

Я родился в Орле 19 апреля 1967 года в роддоме на улице Сакко и Ванцетти, названной в честь каких-то то ли итальянских, то ли французских коммунистов. Отец родился 18 апреля и появившись я на свет несколькими часами раньше, то приходился бы отличным подарком, воспроизведенным моей мамой прямо на его день рождения. Несмотря на это небольшое несовпадение в датах, магия цифр все-таки сыграла свою вездесущую роль, и на свет появился малыш, являющийся точной копией своего мужественного родителя. Я был всем похож на своего отца, всем кроме глаз. Глаза у меня были мамины, огромные, в пол лица, небесно-голубого цвета, лучезарно блестящие на фоне пухленьких розовых щечек, отчего все вокруг, завидев меня, в один голос восклицали: "Какая аппетитная девочка"!

Дом, в который меня привезли из родильного отделения, находился в частном секторе города на улице под названием "Новая". Этот небольшой дом, построенный вскоре после войны, был разделен на две части, в одной из которых жили мои папа, мама, сестра и бабушка, а в другой части дома жила родная сестра моей бабушки, которую звали Александра Николаевна. Во дворе дома росла огромная пушистая столетняя ель, она была настолько огромна, что под ее раскатыстыми ветвями без особого стеснения могла поместиться целая дюжина людей. Нижние развесистые лапы этой сорокаметровой ели едва ли выдерживали свою собственную тяжесть, так что краями они почти касались земли, скрывая от глаз массивный необъятный ствол. Это место под елью мне всегда напоминало шалаш, в котором можно было укрыться от окружающего мира и в полном уединении придаваться одному тебе известным безобидным детским увлечениям. Я мог проводить часы под этой елью за играми, где в жаркий летний день царил тенистый и прохладный уют. Просторный двор перед домом от улицы отделял высокий забор. Он был сделан на капитальном фундаменте, из которого вырастали квадратные колонны из кирпича, между которыми как частокол крепились щиты из крепких сколоченных досок с заостренными концами наверху. Со стороны улицы доски скрывали высокий фундамент и вращались в землю, а по центру каждого щита снаружи красовался с любовью приделанный ромбик из четырех склеенных брусков. Мне часто нравилось, взобравшись на фундамент забора, проводить время, наблюдая за происходящим по ту сторону. Фасад дома смотрел на улицу Новая четырьмя прямоугольными окнами, каждое из которых по периметру было украшено в традиционной манере кружевными деревянными узорами и обладало ставнями, отделанными в том же стиле. На крыше дома горделиво размещалась мансарда в одно окно, кокетливо увенчанная остроконечным деревянно-кружевным козырьком-петушком. Со стороны можно было бы предположить, что за этим единственным окном находится очень уютная комната. Могло бы даже показаться, что там звучит музыка, вдохновенно исполняемая каким-то невидимым пианистом на старинном белом фортепьяно, украшенном стильными латунными подсвечниками. На самом же деле эта мансарда была частью обычного необжитого чердака, в котором, как полагается, прозябал всяческий ненужный хлам. В правой части фасада к нему прирастала главная отличительная черта нашего дома – очаровательный палисадник с остроконечной крышей, облепленной везде и всюду деревянным кружевом. Поднявшись по трем ступенькам внутрь палисадника, можно было обнаружить две расположенные друг напротив друга скамейки, приставленные к высоким бортам. По всему виду он должен был исполнять роль парадного входа, но дверь, через которую надо было входить внутрь, была по бутафорски приколочена к фасаду и никогда не выполняла обманчиво возложенную на нее парадную роль. Этот палисадник был примечателен еще и тем, что однажды сестра Наталья, водрузив меня 6 месяцев отроду на один из высоченных бортов, опрометчиво не доглядела за мной, и я рухнул прямо головой вниз, акkurat на цементное окаймление, которым был отделан весь дом по периметру.

После этого родители еще долго вглядывались в мои глаза на предмет адекватности их излучения, но по прошествии времени, когда я начал ходить, а потом и говорить, ну а после и вовсе здраво рассуждать, то вконец успокоились и перестали переживать по поводу этого злополучного случая. От того ли падения, или же просто от рождения, у меня на затылке и по сей день присутствует небольшая приплюснутость, которую впоследствии мне приходилось прятать под начесанными волосами, усиленно придавая этой части головы эффект естественной округлости.

Огромный продолговатый огород, примыкающий к задней стороне дома, был нескончаемым источником всяческих витаминов в виде овощей, фруктов, ягод и трав, изобилующих здесь в немыслимых количествах. Необъятный погреб, который находился в подвале отдельно стоящей постройки, совсем неоправданно называемой сараем, изобиловал всевозможными соленьями, компотами и вареньем в виде банок, склянок и бочонков, которыми от пола до потолка были забиты вместительные стеллажи, располагающиеся вдоль стен погреба. Но все равно, каждую осень новые ряды бочонков, банок и склянок наполнялись плодово-ягодным содержимым и погружались туда же – и в без того трещащее по швам хранилище. Все излишки собираемого урожая, включая цветы, раздавались родственникам и знакомым, не имеющим такого великого счастья, как свой собственный огород, а так же успешно реализовывались на городском рынке. Реализацией занималась моя двоюродная бабушка Шура, тем самым ошутимо помогая формировать семейный бюджет моим родителям, которые на тот момент еще не работали и находились на стадии получения образования. Мне только исполнилось три года, когда родились мои братья двойняшки Сергей и Виктор, вот тогда-то моим родителям и потребовалась действительно настоящая помощь. Кому-то надо было присматривать за этой вечно орущей и требующей к себе постоянного внимания братией. Вот тут-то и пришла на помощь целая армия нянек, состоящих из бабушек, тетей, родных, двоюродных и троюродных сестер, но все же, основная нагрузка легла на плечи моей родной бабушки по маме – Любви Николаевне.

Бабушка Люба всю жизнь была труженицей, на которой без всякого на то ее согласия как кара небесная весела вся эта громада забот, состоящая из стирки, глажки, готовки и бог весть знает каких еще проблем, которые ей приходилось безотлагательно решать, таща весь этот бедлам на своих хрупких плечах. Бабушка Люба вышла замуж незадолго до начала войны за молодого коммуниста, военного инженера по образованию, Виктора Алексеевича Булычева. От этого брака в августе 1941 года родилась девочка, которую назвали Лариса. Это была моя мама. Дед Виктор погиб в апреле 1945 года в Польше, где-то в районе небольшого городка под названием Дебно, не дожив всего десять дней до окончания войны, где и был похоронен в братской могиле, над которой впоследствии был возведен величественный мемориал в память советским воинам-освободителям. Всю войну он разрабатывал и усовершенствовал танковое вооружение. В результате одной такой успешной разработки ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В Орловском педагогическом институте, выпускником которого был мой дед, по достоинству оценили причастность героя-земляка к этому заведению и увековечили память о нем в виде бронзового бюста, стоящего в центральном холле на мраморном пьедестале, и мемориальной доски, вывешенной у главного входа. После гибели моего геройского деда, бабушка больше не выходила замуж, оставаясь верной этому браку до конца своей жизни.

Местом детской дислокации номер два был частный дом на другом конце города на улице Солдатская, где жила папина мама- бабушка Глаша, дедушка Вася, тетя Света, дядя Саша и двоюродная сестра Ленка. Бабушка Глаша меня всегда окружала такой заботой и любовью, что я всегда прыгал от счастья, когда узнавал, что предстоит долгожданное путешествие на Солдат-

скую. Тетя Света являлась подругой моей мамы еще до ее замужества и, будучи родной сестрой моего отца, была чуть ли не причиной этого самого замужества. Если я попадал в зону влияния моей тети, то можно было гарантированно прогнозировать больную от смеха живот и всяческие развлечения, которые она вечно выкидывала на мою разгоряченную детскую голову. Иногда влияние на меня моей тети доводило до полуинфарктного состояния моих родителей. Как-то, будучи в трехлетнем возрасте, меня в очередной раз привезли на Солдатскую. Там мной, под чутким руководством моей тети, была выучена песенка "На морском песочке я Марусю встретил, в розовых чулочках, талия в корсете...", а так же восклицание "Мать твою так...", которое я исполнял с грозным шлепком ладошки об стол. Когда вернувшийся за мною отец с ошарашенными глазами терпеливо дослушал прилежно выученный мною урок, гневу его не было предела, он орал благим матом о том, как эта сумасшедшая взяла и испортила его ребенка.

Первые пять лет своей самой беззаботной жизни я провел в окружении любви и заботы, наивно пребывая в полном неведении об увлекательности и размерах окружавшего меня мира. Отец уже закончил аспирантуру и, получив направление на работу по распределению, уведомил нас, что совсем скоро мы уедем на берега далекого теплого Каспийского моря, где не бывает зимы, а апельсины можно срывать и есть прямо с деревьев, которые в великом множестве там можно встретить повсюду.

4.

После того как ушел из жизни мой отец, я никогда не ощущал себя в чем-либо обделенным, к чести и стараниям моей мамы, бабушки и всех тех, кто помогал нашей семье на долгом временном пути от возвращения из Махачкалы по достижении мной совершеннолетия. Я только сейчас начинаю понимать, каково это было моей маме, лишившись мужа, остаться с четырьмя маленькими детьми на шее, при этом не отчаиваться, а найти в себе силы, чтобы зарабатывать на жизнь, уделять свободное от работы время детям и при этом при всем еще и великолепно выглядеть.

Вернулись из Дагестана в Орел, мы в большую четырехкомнатную квартиру, которая явилась результатом какого-то мудреного междугороднего обмена и располагалась на четвертом этаже только что построенного девятиэтажного многоподъездного дома. Я сразу же был отдан во второй класс средней школы номер 26, которая находилась тут же, чуть ли не во дворе нашего дома, и являла собой типичное пятиэтажное здание сталинской постройки, с примыкающими к нему спортивными площадками, клумбами и плацем для проведения линеек, с торчащим посреди него флагштоком, на котором чаще всего не было знамени. Музыкальное образование я продолжил в Орловской музыкальной школе имени композитора Калининкова, до которой приходилось ходить пешком около получаса, или же можно было доехать на автобусе четыре короткие остановки. Я терпеть не мог учиться музыке, и доводил тем самым и маму, и преподавательницу Елену Самуиловну чуть ли не до слез, чего нельзя было сказать об общеобразовательной школе, ведь там были друзья-единомышленники!

Леха Прокофьев, Серега Карпиков и Серега Ермолаев, позже к нам присоединился Олег Ураков, как-то сразу объединились, как это модно сейчас говорить, в свою тусовку, что было скорей всего неслучайно, ведь в скором времени, когда нам исполнилось по 14, нам предстояло сколотить первую в моей жизни настоящую музыкальную группу. Группа "Синтез", так она называлась, базировалась в Орловском дворце пионеров и школьников имени Ю.А.Гагарина в небольшой комнатке на последнем третьем этаже, к которой вела широченная помпезная лестница, выполненная в стиле роскошного сталинского неоклассицизма, в котором был выдержан весь этот огромный с величественной колоннадой, украшающей главный вход во дворец. Офи-

циально наше творческое увлечение квалифицировалось как музыкальный кружок или секция, на балансе которой висела та нехитрая музыкальная аппаратура, из которой мы пытались выжить хоть какое-то приличное звучание. Возглавлял нашу группу отличный дядька, наш бессменный художественный руководитель – Владимир Матвеевич Копанев. «Музыка нас связала» – это было про нас. Мы могли часами проводить время за нескончаемыми репетициями, оттачивая мастерство и без того безупречно отработанных музыкальных партий. Матвейч, как мы его называли, был для нас и учителем, и старшим товарищем, и иногда даже собутыльником, разделяя с нами все те прелести получаемого удовольствия от первых испитых бутылок с хмельным зельем из семейства портвейновых под названием "Агдам".

На самом деле, предпосылки создать свою группу у нас обозначались раньше, на базе средней школы номер 26, когда я хвостиком ходил за директором школы Лидией Ивановной, которая по совместительству преподавала еще и физику, и нудил одну и ту же фразу: "... Даа-а-а-а-а нам электрогитары и ионику!" Что она мне обязательно с сарказмом припоминала в случае, когда я выходил к доске с невыученным уроком: "... вот Жуков, все иониками голова забита, лучше б ты об учебе думал". Кстати сказать, ионика, кто не знает, это был такой электромузыкальный клавишный инструмент советского производства, жалобно выдавливающий из себя протяжные скрежещущие звуки, подобно первым звукогенераторам. Ко всем прочим своим недостаткам, весил этот агрегат около ста килограммов и представлял собой мышинового цвета раскладную байдарку в сложенном виде с прилепленными сбоку клавишами. Не знаю, за какие заслуги или красивые глаза, но мне как-то даже удалось убедить Лидию Ивановну распахнуть двери своих кладовых и

выдать нам такие вожеленные музыкальные инструменты. Мы даже пытались устраивать на них какие-то репетиции в актовом зале школы, но учитывая ужасающее состояние этого разваливающегося старого инвентаря, а главное отсутствие чуткого и внимательного художественного руководителя, репетиции проводить было делом бесперспективным, и вскоре эта затея благополучно сошла на нет. Но как часто бывает в жизни, настойчиво ведомые общей идеей, наша группа вскоре была-таки вознаграждена появлением в нашей жизни Матвейча и дворца пионеров. День от то дня и год за годом, совершенствуя свое мастерство, группа "Синтез" даже добилась довольно неплохих результатов в масштабах города Орла, как например, выступления на главной танцевальной площадке города в центральном парке, или неоднократные приглашения по озвучиванию свадеб, что указывало на востребованность группы и подчеркивало наш особый статус.

Бесконечной чередой тянулись концерты, устраиваемые на сцене Дворца пионеров, посвященные дням милиции, первым и девятым мая и прочим. Но каждый концерт, независимо от их количества, воспринимался нами как нечто особенное и неповторимое. Это был праздник! И готовились к этому празднику мы соответственно. Уже за 4-5 часов до начала действия, мы, окрыленные предвкушением начала, сосредоточенно занимались всяческими приятными делами, которыми изобилует закулисная жизнь до начала концерта. Особо надо отметить костюмы группы. Это были яркие, синего цвета атласные рубашки отделанные белыми погонами и брюки с лампасами того же белого цвета. Сшили нам эти костюмы на заказ в ателье, снимая с каждого свой индивидуальный размер, отчего костюмы сидели как влитые, строго по фигуре, создавая во время выступления безукоризненный внешний вид нашей группе. В репертуаре "Синтеза" помимо популярных песен, которые в начале 80-х звучали у всех на магнитофонах, были и собственные композиции, написанные в стиле популярных тогда "Машины времени", Кузьмина и "Альфы". "Листья падают" на стихи Сергея Есенина, написанная в дань моде на поэта, по примеру "Московского озорного гуляки" – это была наша собственная, одна

из самых удачных песен, написанная коллективно, и с особым трепетом нами исполняемая на концертах наряду с "Распущенным садом" "Машины времени" и "Спортлото" Кузьмина с "Динамиком". Опровергая выражение "Старость – не радость, молодость – не жизнь!", хочется сказать, что 15,16,17 лет – лучшие годы жизни. Первый поцелуй, первая любовь и первые разочарования. В отношении меня можно добавить – и первые написанные песни. Об этом можно было бы писать очень долго и упорно, но это в другой раз и в другой книге, а сейчас, как говорится, "Только о музыке!".

Лучший свой период "Синтез" провел как раз находясь в этом беспечном возрастном диапазоне, и приходился этот период в основном на лето, когда группа в полном составе, обезумевшая от счастья и от предвкушения полной свободы, выезжала на целый сезон с июня по конец августа в пионерский лагерь в роли, собственно, музыкантов, озвучивающих танцевальные вечера.

Пионерский лагерь "Кристалл" объединял в себя, по крайней мере, на время танцев, три соседних лагеря и еще несколько прилегающих деревень. Музыку во время концерта можно было услышать за несколько километров от лагеря, отчего народ, как говорится, валил валом, собираемый модными песнями, да еще и исполняемыми настоящей живой группой. Триста, пятьсот, а иногда и тысяча человек за вечер посещало наши танцы. Ну, а для нас это было время настоящего триумфа, самовыражения и полнейшей свободы. Музыканты группы не подчинялись правилам лагерного распорядка, жили в отдельном домике и устраивали в этом домике все то, что вздумается. Поскольку лагерь находился всего в 20 минутах ходьбы до автобусной остановки на окраине Орла, то мы часто ездили в город пополнять запасы табака и алкоголя. Некоторую часть последнего мы опустошали прямо по дороге, возвращаясь в лагерь, но к чести надо заметить, алкоголем мы сильно не увлекались, помня о предстоящих вечерних выступлениях. Да и вообще, музыка нас тянула гораздо больше чем алкоголь. "Лагерными звездами", если так можно выразиться, "Синтез" был три сезона, оставив в памяти незабываемые теплые летние танцевальные вечеринки. Неизвестно как бы сложилась судьба группы дальше, но нам исполнилось по 17 лет, и маленький Орел уже не в силах был реализовать тех планов, которые приготовила нам судьба. Леха Прокофьев уехал поступать в медицинский институт в Витебск, ну, а меня ждала Москва. Группа "Синтез" закончила свое существование, предоставив мне бесценный опыт сценической живой работы. А главное – для меня приоткрылась дверь, через маленькую щелочку в которой я мог разглядеть волшебный мир под названием сцена!

5.

Вокзал в Орле был для меня не просто вокзалом, а на подсознательном уровне каким-то рубежом, за которым лежит совсем другая, полная ярких красок, словно манящая меня из будущего, неведомая мне доселе жизнь. Я как будто представлял себя уезжающим из этого города навсегда, я даже видел тот поезд, который трогаясь, медленно набирает скорость, увозя меня отсюда к новым манящим горизонтам. Это не была нелюбовь к городу или что-то в этом духе. Мне просто напросто стало тут очень тесно, мне нечем было дышать. Это было как инстинкт, который бушевал во мне неистовой силой. Я знал, что мне надо срочно, как угодно вырваться из этого воображаемого плена на долгожданную свободу, которую мне может дать только одно место на земле – это Москва.

Мои мечты о Москве были настолько вожделенными, что таки долетели до небес, и небеса сжалились надо мной. Предоставленный мне и моей семье шанс оказаться в Москве спустя некоторое время не использовать было бы, мягко говоря, преступлением. Давний мамин поклонник, о котором я писал в самом начале, живший в подмосковном Реутове и служащий где-то в ГЛАВКе Сельскохозяйственного министерства на довольно таки высокой должности,

сделал маме в очередной раз предложение. Он делал их с настойчивым постоянством на протяжении то ли десяти, то ли пятнадцати лет и каждый раз с неутешительным для него результатом. Но в этот раз фортуна была на его стороне. К его великому удивлению и не менее великой радости, мама, как вы понимаете, не без моего, мягко говоря, на нее давления, приняла его предложение и вышла за него замуж.

Так мы оказались в Москве, точнее в Реутове, который находится от столицы всего в 25 минутах езды на электричке от Курского вокзала. Николай Яковлевич, так звали жениха, а теперь и моего отчима, проживал в небольшой трёхшке в доме на улице Ленина, прямо у железнодорожной станции Реутова, в которой нашей семье предстояло жить несколько последующих лет.

В Орле после окончания восьмого класса я по настоянию мамы поступил в Орловский машиностроительный техникум, из которого по переезду в Москву перевелся, как и писал выше, в Московский авиационный самолетостроительный техникум, находящийся в Филях, где и продолжил учебу по специальности "Эксплуатация и наладка станков с числовым программным управлением". Я уже упоминал, что к учебе в этом заведении я не испытывал ровном счетом никаких эмоций. Скорее я использовал его как плацдарм для первых, зарождающихся во мне коммерческих проектов. Своим первым удачным торговым предприятием я считаю безобидную авантюру по реализации самых популярных в то время сигарет "Ява" с ментолом. Весь фокус тут был в том, что сигарет "Ява" с ментолом в природе вообще не существовало, но только не у меня. У меня, как вы понимаете, такие сигареты были. Я, с прилежной осторожностью вскрывая слюду с каждой пачки с нижней ее стороны, доставал по одной сигарете и смазывал их бесцветными и совсем безвредными для здоровья каплями от насморка, в состав которых как раз и входил ментол. Затем я высушивал смазанные сигареты на комнатной отопительной батарее и после отправлял их обратно в пачку в первоначальное положение, с последующим аккуратным заклеиванием слюды обычным канцелярским клеем. Пачки с ментоловой "Явой" охотно раскупались учащимися техникума на переменах между занятиями, естественно с небольшой предварительной рекламой с моей стороны, что-то типа, что это экспериментальная серия сигарет прямо с фабрики для предварительного изучения спроса, которая досталась мне по огромному благу и предназначена только для служебного пользования... бла, бла, бла. Сигареты "Ява" стоили в магазине 40 копеек. Я же их продавал по рублю, абсолютно законно присваивая себе по 60 копеек за потраченный труд, ну, и, конечно же, за немудреную оригинальность идеи. В общем, в конце концов, все были довольны. Не могу сказать, что я учился плохо. Был даже период, когда я выбился в отличники и преподаватель сопромата и деталей машин, как-то обнаружив, что многие передают от парты к парте мою тетрадь с правильно решенными уравнениями, с укором произносила: "Вот, мол, гоняете по партам жуковскую тетрадь, а у самих мозги что ли высохли? Как же вы потом самостоятельно работать-то собираетесь, Жукова что ль позади себя поставите?" Но мое рвение на поприще учебы было скорее делом настроения и, как правило, надолго мне его не хватало. Куда более меня интересовала коммерция, точнее проблема заработка денег. Я без особых хлопот вышел на поставщиков всяческого ширпотреба, который в силу своего полного отсутствия на советском рынке, пользовался бешеной популярностью. Учебную практику я проходил на заводе, который занимался производством двигателей то ли для военных самолетов, то ли для крылатых ракет, и называлось это производство КБ "Салют" имени Хруничева. Каждый практикант прикреплялся к своему мастеру и загружался посильной для него не очень ответственной работой. Меня, естественно, также прикрепил к своему мастеру, который указал мне на огромный фрезерный станок, на котором я впоследствии производил, точнее, делал вид, какие-то кругленькие железяки. Работал я на этом станке от силы раз десять, зато остальное

рабочее время я проводил в увлеченном снабжении рабочих и служащих этого предприятия всяческими разными ширпотребовскими заморскими диковинками, такими как электронные музыкальные часы, плееры с наушниками и тому подобное. Когда же приходил день зарплаты, то в моем приходном ордере с издевательским постоянством красовалась цифра с жирным знаком минус. Это и неудивительно. Рабочие получали зарплату от определенной выработки в день, начиная от минимальной дневной нормы. Я же и эту дневную норму никогда толком не выполнял. Зато бизнес у меня, как говорится, летел ввысь. Почти весь персонал завода, красуясь друг перед другом, с гордостью демонстрировал окружению приобретенный у меня дефицит, наполняя тем самым мои карманы заработанной прибылью. Клиентов

было хоть отбавляй, ведь помимо пространства техникум-завод, зоной моих интересов были еще и крупнейшие комиссионные магазины Москвы, о которых я уже упоминал выше. И сложись моя судьба немного иначе, то скорее всего после того как перестройка отменила уголовное преследование за спекуляцию, наступили 90-е с их первыми компьютерами и уже серьезными поставками из-за границы всяческих разнообразных товаров, а потом приватизация с ее нефтью, газом и лесом, и пошло бы у меня, поехало. Но это лишь предположения, а эта книга – не сочинительство. Мы тут говорим о реальных фактах. Так вернемся же в нее, в реальность.

6.

В дом культуры, напоминающий скорее сарай, при Реутовской текстильной ткацкой фабрике ноги меня привели сами, сразу после переезда из Орла в Москву. Я спросил у бабушки-вахтера, есть ли в их клубе музыкальный ансамбль, и, получив положительный ответ и информацию о днях и времени их репетиций, поблагодарив бабулю, в удовлетворении удалился, предвкушая скорую встречу с прекрасным. В обозначенный вахтершей день и час я стоял перед входом в клуб, и при появлении музыкантов, самодостаточно объявил себя клавишником, желающим войти в состав их коллектива, предварительно рассказав в двух словах про "Синтез" и, наработанный в связи с участием в этой группе, опыт. Музыканты, оказавшиеся простыми парнями, живущими в Реутове и не имевшими к текстильной фабрике ровным счетом никакого отношения, любезно пригласили меня в репетиционную комнату и попросили воспроизвести что-либо на электрооргане, на котором я с гордостью выдал вызубренные в музыкальной школе перед выпускными экзаменами несколько этюдов Черни. К слову сказать, моя жизнь в тот период еще не приобрела какого-либо определенного сформировавшегося контура, и было совсем непонятно, чем же я все-таки буду, в конце концов, заниматься. Мне было уже 17, а на горизонте маячил лишь диплом Авиационного техникума с призрачным последующим поступлением в МАИ, чего я, кстати, совсем не хотел, или еще хуже – работа по специальности после окончания техникума на каком-нибудь закрытом военном заводе. Не буду же я всерьез рассматривать как вариант карьеру спекулянта, делающего деньги на наживе на честных советских гражданах? Оставалась музыка, в ее самом скучном для меня проявлении, в таком, как учеба в Высшем музыкальном училище имени Гнесиных, где я должен был посвятить всего себя зубрежке классических музыкальных произведений всемирно известных композиторов. Туда-то, в Гнесинку, точнее на подготовительные курсы для поступления в нее, меня и сподобила моя мама, где я пытался у преподавателя по фамилии Семенов, освоить азы виртуозного джазового владения музыкальным инструментом, с перспективой последующего поступления на факультет, который назывался «Отделение эстрадного фортепьяно». Кстати, надо заметить, что та техника владения инструментом, которой я обучился на этих подготовительных курсах, три раза в неделю в течение года приезжая домой к преподавателю, очень меня выручала в моменты, когда нужно было продемонстрировать свое мастерство, еще раз спасибо моей маме. Вот и в этот раз в доме культуры при ткацкой фабрике самодельные

музыканты, сполна удовлетворившись моей игрой, приняли меня в свой коллектив. Возвращаясь к моей озабоченности своим будущим, можно было четко разглядеть только два серьезных направления, по которым мог пойти путь моей еще толком не начавшейся жизни. Первое – это был техникум, потом институт, потом Бог знает что еще, и второе – это была классическая музыка в виде Гнесинки и потом снова Бог знает что еще. Третьего было не дано, но оставалось главное, то, что на тот момент никак не подходило под определение какой-либо деятельности или профессии, то, что нельзя было описать словами, а можно было только почувствовать где-то глубоко в душе. Это была какая-то не дающая мне покоя ни днем, ни ночью непонятная, сидящая у меня глубоко внутри и растущая день ото дня субстанция, словно солнце, стесненное границами моей грудной клетки и мечтающее вырваться наружу. Эта колоссальная энергия постоянно ввергала меня в поиски каких-либо мест или людей, через которые или через которых произойдет ее изливание или деление ею с окружающим меня миром, и одно я знал точно: место, где должно было произойти это изливание, может быть только одно – это сцена! Как навязчивое параноидальное видение в моей голове, возникала одна и та же картина: я видел себя в центре большой красивой сцены, переливающейся в блеске бесчисленных разноцветных огней, перед ликующим в приветствии, огромным многотысячным залом. Эта воображаемая сцена манила меня, и я безропотно шел к ней, словно околдованный, словно, ведомое врожденным инстинктом, хищное животное, вышедшее на охоту и хладнокровно расправляющееся с любыми преградами, возникающими у него на пути. Я стоял на распутье перед огромным миром, открывающим передо мной тысячи дорог, из которых я должен был выбрать ту, которая приведет меня к моей заветной мечте. Но судьба, как чаще всего бывает в жизни, повела меня своим, единственно верным путем.

Частью этого пути был и клуб при ткацкой фабрике, и последующий за ним вокально-инструментальный ансамбль при реутовском дворце культуры "Мир". Огромное здание, построенное в конце советской эпохи, являлось одним из крупнейших типовых дворцов культуры в московской области. Бесчисленное количество кружков и секций, располагающихся в просторных и светлых классах дворца, увенчивалось огромным зрительным залом на 1200 мест. Просторный партер, балкон и ложи вмещали в себя большие комфортабельные кресла, обтянутые мягким темно-вишневым велюром. Главной героиней этого зала была необъятных размеров сцена, с парой десятков подвешенных к потолку декоративных задников, что углубляло ее на добрую сотню метров. А также, парящий над вращающимся полом, массивный расшитый золотом бархатный занавес темно-бордового цвета, который, приводимый в движение мощным электрическим механизмом, величественно открывал и закрывал сценическое пространство. Иногда я любил просто приходиться в пустой зрительный зал и, безмятежно устроившись в кресле, самозабвенно придаваться своим мечтам, обволакиваемый теплым театральным уютом этого внушительного помещения. Ребята в ВИА при "Мире" были довольно-таки профессиональными музыкантами, имеющими к тому же постоянную концертную практику. И мне, с образованием провинциальной музыкальной школы, доводилось изрядно попотеть, прежде чем сыграть вживую на концертах, помимо всех тех же "Машины времени" и "Динамика", очень сложные клавишные партии, например, такие как из композиции "Кто ты, человек..?" группы "Автограф". Трудности меня совсем не пугали. Напротив, я бы даже сказал, что я с удовольствием благополучно справлялся со всеми поставленными передо мной в этом ВИА задачами. И снова бесчисленной чередой полетели концерты, свадьбы, танцы. Все вокруг говорило мне о том, что моя жизнь, так или иначе, в дальнейшем как-то будет связана с популярной музыкой. Меня это очень даже устраивало, за исключением одного небольшого нюанса: я грезил славой, а тут была среднестатистическая советская рок-группа, каких в нашей стране было сотни или даже тысячи. Возникал простой резонный вопрос: как эта группа из Реутова, исполняющая в основном песни-перепевки других исполнителей, попадет на ту блистатель-

ную сцену из моей мечты? Это было совсем непонятно. Конечно, был вариант исполнять свои песни, которых у меня лично еще со времен "Синтеза" накопилось предостаточно, и пробовать пробиваться дальше и выше, на всесоюзную сцену. Но, увы. Наверное, неверие в свои силы или отсутствие соответствующих амбиций у моих коллег-музыкантов не привело эту идею дальше банального прослушивания и последующего убиения в долгий ящик. Но меня эта ситуация совсем не расстроила, а даже напротив, раззадорила, ведь с наглостью и амбициями у меня было все в полном порядке! Я понял, что пришло время действовать по-другому, а именно, предлагать свои песни уже состоявшимся известным исполнителям.

7.

В середине 80-х на экраны страны вышел художественный музыкальный фильм "Пришла и говорю", повествующий о жизни и творчестве нашей незабвенной примадонны. И в этом фильме то ли случайно, то ли специально – теперь уже могу сказать точно: «Специально!» – мельком был показан адрес, по которому жила в то время наша суперзвезда: Москва, ул. Горького д.37. В мою голову сразу же врезалась мысль о том, что мне надо обязательно сходить туда и посмотреть, что там происходит. А может быть, если конечно повезет, мне удастся вживую увидеть саму Аллу Пугачеву, или даже подойти к ней, не как к звезде, а как к простому советскому человеку, выходящему из своего подъезда, и запросто поздороваться, или даже предложить ей послушать какую-нибудь из моих песен. Вдруг ей какая-нибудь из них понравится, и она потом будет это петь? Что я только себе тогда наивно не представлял в своей, воспаленной от открывающихся передо мной перспектив, голове. Но я знал точно: мне надо туда пойти. Это было больше чем любопытство. Это был мой шанс, шанс – как своеобразный символ, который позволит перешагнуть ту невидимую грань, которая вечно разделяет артиста и зрителя на обычном концерте или спектакле. Настоящих живых артистов до этого дня я видел только с галерок зрительных залов в виде маленьких точек, напоминающих мне скорее насекомых, чем людей, которых можно было разглядеть только в бинокль. Сам тот факт, что я смогу увидеть Пугачеву на расстоянии перекидки парой фраз приводил меня в полный восторг. Естественно, первым делом выйдя из кинотеатра "Россия", после просмотра этого фильма, я направился по указанному, как будто специально для меня, адресу. Благо, это было совсем недалеко. Сообщество из 15-20 человек, которое околачивалось у пугачевского подъезда, встретило меня со сдержанной враждебностью. Сразу посыпались вопросы: кто я? откуда? зачем сюда пришел? и т.д. У меня сложилось такое впечатление, что они вообразили себя преисполненными некоей миссией охранять нечто бесценное от окружающего мира, и ни под каким предлогом не давать чужакам приближаться к вождленному подъезду на расстояние пушечного выстрела. Подъезд Пугачевой находился со стороны двора в углу, образованном двумя домами буквой Г. Сам дом представлял собой огромный многоподъездный кондоминиум со своими консьержками, дворниками и лифтерами, выходящий фасадом на улицу Горького, а со стороны подъездов – на лежащую метрах в ста от них улицу 1-я Брестская. Темные контуры фигур людей у подъезда с едва различимыми лицами, освещаемыми еле долетающим светом от фонарей с Брестской, являли собой непреступный рубеж обороны, сравнимый разве что с рубежом обороны Сталинграда, который не оставлял врагу ни малейшего шанса прорваться на подконтрольную им территорию. О том чтобы поговорить с Пугачевой или даже хотя бы просто ее увидеть, не могло быть и речи. Но кто знал, что через некоторое время я подружусь с этими, как окажется довольно-таки милыми, хотя и немного странными людьми, и эта новоявленная дружба приоткроет очень важную дверь на моем пути, святая святых каждой концертной программы – за кулисы!

Иерархическая лестница в стане пугачевских поклонниц строилась по принципу от главаря, и нисходила по мере убывания статусности, которая приравнивалась к проведенному

у подъезда времени, до низших ступенек, и тем самым очень напоминала советскую армейскую дедовщину. Заправляла всем ярко-типажная, энергичная и преисполненная всегда боевого духа рыжеволосая девушка-оторва, которую звали Света Саратовская. Причем «Саратовская» – было скорее не фамилия, а прозвище, определяющее место ее рождения. Ниже по статусу, но тоже очень влиятельные по сути, были две подруги – Ира и Лена, по прозвищу «Панки». Ну и так далее, по убыванию до самых, так сказать, незначительных членов, то есть до новичков. Как нетрудно догадаться, объединяла всех этих людей воедино безграничная и преданная любовь к неповторимому таланту Великой Аллы Борисовны Пугачевой. Да я и сам, чего уж там греха таить, был немало впечатлен талантом этой фантастической женщины. По словам же самой А.Б., все эти люди являлись лишь прилипалами, греющимися в лучах ее безбрежной славы. И днем и ночью, и в жару и в холод, несли самоотверженную околоподъездную вахту люди-поклонники, не пропуская в свой круг кого попало и всецело предаваясь пленительному обсасыванию старых и новых сплетен касательно Пугачевой и ее приближенных. Уж не знаю каким боком, но со временем мне все же удалось влезть в эту иерархию и получить, пусть и птичьими, но все же права, которые мне позволяли беспрепятственно подходить к подъезду и наравне со всеми принимать участие в этой активной жизни, бурлящей самыми разными и такими интересными для меня проблемами. Со временем подъезд Пугачевой стал для меня еще одним постоянным, если не сказать, самым главным, местом времяпрепровождения наряду с техникумом, участием в ансамбле в ДК "Мир" и, конечно же, зарабатыванием на хлеб насущный. Причем последнее довольно-таки здорово стимулировалось за счет огромного клиентского потока, который пропускал через себя пугачевский подъезд. Люди, как говорится, туда валили валом. Со всех концов всей нашей необъятной Родины ежедневно к подъезду стекались новоявленные зеваки поглазеть на диво дивное и, как правило, всегда упирались в поклоннический кордон, от которого и получали всю последнюю информацию о сценической и закулисной жизни всесоюзной звезды. Я же благополучно использовал этот постоянно ротирующийся человеческий ресурс для развития своего небольшого бизнеса. Все вокруг знали, что у меня можно всегда по сходной цене приобрести разнообразный ультрамодный дефицит, напрочь отсутствующий где-либо еще в предперестроечной столице. Дни, когда проходили концерты с участием Пугачевой, всегда были для поклонников долгожданным событием, хотя и не лишены трудностей. К ним, как правило, всегда готовились загодя. Лучшие умы предподъездного сообщества строили планы по методу оптимальной оккупации того или иного концертного зала. Причем попасть в сам концертный зал была не проблема. Проблема была попасть за кулисы, туда, где, как правило, была тройная охрана, и людей, не имеющих отношение к администрации или артистам, туда без особого пропуска просто не допускали. В ход шли любые средства: от личных связей с сотрудниками концертной площадки до поддельных пропусков и бейджиков. Элементом высшего пилотажа считалось просочиться в закулисы вообще без всего вышперечисленного, а именно – используя либо плохо защищенный выход из подвала, как было в "Олимпийском", либо банально пролезть через окно, предусмотрительно приоткрытое ранее прошедшими соратниками, как бывало в Лужниках. Далее в покоренном закулисе облюбовывался артистический бар, столбился какой-нибудь неприглядный самый дальний столик и начинался вожаденный процесс сопричастия ко всему там происходящему. Мимо тебя весь вечер туда-сюда сновали звезды, участвующие в концерте, и ты чувствовал себя с этими людьми почти на равных, ты был в центре какого-то особенного мира, быть в котором разрешено только концертно-артистической богеме и тебе. Каждая минута, проведенная в закулисном баре, доставляла поистине блаженное удовольствие и использовалась мною как время общения со всяческими звездами на предмет взятия в их репертуар моих песен, так и сугубо практической стороной. Конечно же, я имею в виду реализацию среди артистов моей ширпотребовской снади, всегда присутствующей при мне на подобных мероприятиях. Кстати говоря, эта моя коммерческая деятельность зачастую и являлась поводом

для более тесного знакомства с артистами и следующего за этим предложения послушать мои песни. Боже, какое счастье было впарить какой-нибудь звезде какую-нибудь яркую заграничную тряпку, после чего тут же стать своим человеком, с которым можно общаться на любые темы от искусства до политического положения в мире. Первой жертвой моего композиторского натиска стала певица Катя Семенова. С ней меня познакомил ее муж и по совместительству гитарист ее группы Андрей Батурин, который накануне у меня приобрел то ли джинсы, то ли свитер. Катя на пару с Вячеславом Малежиком вела шоу, проходившее во дворце спорта Лужники, которое называлось "Шире круг". Слава Малежик для меня не представлял ровным счетом никакого интереса, поскольку исполнял исключительно свои песни, а вот Катя, она пользовалась услугами разных композиторов, попасть в число которых и было моей целью. Более того, она была большой поклонницей заграничного дефицита и часто с благодарностью в мой адрес пользовалась моими спекулятивными услугами. Можно сказать, что мы даже дружили. Я несколько раз приезжал к Кате и Андрею домой, они жили тогда в Измайлово, где демонстрировал на фортепьяно свои незамысловатые песенки. Имея такое весомое прикрытие, как Катя Семенова, я уже без особого труда, чуть ли не на правах участника ее коллектива, мог преодолевать любые кордоны охраны на всех концертах с ее участием. Помимо Кати, моим композиторским вниманием были не обделены: Ирина Понаровская, к которой я также часто приезжал домой дабы помузицировать, Ирина Аллегрова, на стадии работы в "Электроклубе", ну, и, конечно же – Алла Пугачева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.